

Основные тенденции военного насилия в контексте военной сферы национальной безопасности

В. А. Ксенофонов,

кандидат философских наук, доцент,
Военная академия Республики Беларусь

Геополитические трансформации на рубеже XX–XXI вв., экономическая асимметрия в развитии государств планеты, порождаемые ей кризисы, разрушение биполярной модели мироустройства и изменение статуса многих стран привели мир не только к накалу всеобщей социальной напряженности и росту многочисленных противоречий между государствами и их коалициями, но и к нарастанию межцивилизационного и межгосударственного противоборства. Решение проблем национальной безопасности, опираясь на прежние подходы, представляется неэффективным.

Анализ исторического процесса человечества свидетельствует о том, что военные конфликты различных масштабов сопровождали социум на протяжении всей изученной человеком истории. Можно выявить следующую закономерность: по мере «взросления» и развития общества количество военных конфликтов только возрастает.

Под военным насилием понимается крайняя форма политического воздействия на реального или потенциального противника с целью создания условий для реализации и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства путем применения или демонстрации военной силы. Военная сфера национальной безопасности – важнейший элемент национальной безопасности, обеспечивающий состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних военных угроз, гарантирующий ее устойчивое развитие. Это сфера социальной активности субъектов системы национальной безопасности, обеспечивающих защиту национальных интересов Беларуси от реальных (перспективных) угроз в условиях военно-силового противоборства. Данное понятие связано с категориями «военная политика», «военно-политическая деятельность», «оборонная сфера» и др. [1].

Военная сфера национальной безопасности имеет собственную структуру, особенности, закономерности и принципы функционирования. Она развивается вместе с обществом и его системой национальной безопасности исходя из диалектики войны и системы безопасности социума. Учитывая сложную и противоречивую связь между военным насилием и военной сферой национальной безопасности, полагаем, что именно социальная диалектика содержит необходимый исследовательский потенциал и позволит нам разобраться в хитросплетениях этих феноменов.

История свидетельствует, что война – явление вечное. А. Е. Снесарев в труде «Философия войны» заключает, что «война исторически велась непрерывно или, говоря иначе, *война подлежит закону непрерывности* (курсив мой. – В. К.)» [2, с. 152]. В текущем столетии мир не жил без военного насилия ни одного дня.

Войны в зависимости от их характера могли способствовать прогрессивному развитию человечества или препятствовать таковому. Разделяем тезис генерал-майора А. И. Владимирова, что военные конфликты сформировали историю и современное бытие человечества [3, с. 86].

Военное дело возникло вместе с появлением человечества в интересах обеспечения его безопасности. Центральный вопрос военно-философской мысли во все времена – определение сущностного содержания войны, ее причин, связей с политикой, способов ведения, тенденций развития и избегания войны. Это

обусловлено «борьбой» двух противоположностей как состояний общества: война и мир (состояние социальной безопасности). Для того чтобы среди двух противоположностей взяла верх желаемая вторая – мир, важно либо устранить первую (войну), либо окончательно ее ликвидировать из человеческой истории. Поскольку полное исключение из социального бытия противоречий невозможно, а они, в свою очередь, часто разрешаются военным насилием, то рациональное поведение социального субъекта заключается в научном осмыслении военного насилия (войны) и путей защиты от него как невоенными, так и военными средствами.

При анализе войны мы опираемся на теорию К. Клаузевица. Без сомнения, война – это политический акт, направленный на достижение определенной цели. Вероятно, мы в определенной мере догматизировали его наследие в контексте политических отношений. «Война – это акт насилия, *имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю* (курсив мой. – В. К.)» [4, с. 35], – таково одно из его определений войны. Западные стратеги при определении войны чаще всего базируются на данном методологическом подходе. Война – это управление противником. В случае его несговорчивости и неуступчивости применяется крайний аргумент – военная сила.

Современная война из классической или традиционной парадигмы, в которой сущностными признаками ее (войны) выступают политика и вооруженное насилие, трансформировалась в неклассическую, когда военная сила может и не применяться, а политические цели будут достигнуты силовыми невоенными средствами. Сегодня даже специалисту сложно ориентироваться в многоликости и многосферности войны, а тем более в ее типах: классическая (неклассическая), новая, традиционная (нетрадиционная), экономическая, финансовая, информационная, юридическая, асимметричная, бандитская, поведенческая, когнитивная, смысловая, идеологическая, концентриальная, ментальная, кибер-война и др.

Это, с одной стороны, говорит нам о сложности системного осмысления феномена войны, а с другой – о том, что мы не до конца познали ее сущностное содержание. Война по-прежнему остается не только «хамелеоном» (К. Клаузевиц), но и своеобразной загадкой, как и сам человек, который ее ведет. Видимо, назрела необходимость уточнить (расширить) силовой инструментарий войны. Это позволит уйти от множества понятий, подменяющих и уводящих от сути самой войны.

Сущность войны остается неизменной – это политика, трансформируется ее форма и содержание. Речь идет об исследовании невоенных, но силовых средств ведения войны. Основные общие черты современных военных конфликтов системно отражены в Военной доктрине Союзного государства [5, ст. 9].

Подчеркнем, что существенно усиливается информационное противоборство в военном конфликте. Изданы научные труды, способствующие пониманию военных конфликтов. Это работы известных экспертов А. А. Бартоша, А. И. Владимировой, А. Г. Дугиной, А. А. Кокошина, Л. С. Мальцева, А. В. Манойло, И. Н. Панарина, А. И. Подберезкина, И. М. Попова, М. М. Хамзатова и др.

Идея управления противником с использованием механизмов дипломатической, политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сфер получила развитие в активно используемой западной коалицией против своих конкурентов теории и практики гибридного насилия (войны) и ментального противоборства (ментальной войны). Среди целого комплекса закономерных тенденций современного военного насилия правомерно, на наш взгляд, выделить две основные:

- гибридизация или комбинирование военного насилия с использованием различного инструментария силового принуждения и подавления;
- усиление ментальной составляющей воздействия на противника.

Рассмотрим указанные тенденции.

Важнейшей чертой современности является то, что мир как состояние общества в «чистом» виде уже не существует и становится, как и война, «гибридным», поэтому корректно употреблять термин «мировые отношения». Дж. Оруэлл в романе «1984» отметил: «Война – это мир». В этом, на первый взгляд, иррациональном утверждении содержатся реалии сегодняшнего социального бытия. Современная война начинается незаметно и приобретает такие скрытые формы, что осознать факт ее начала проблематично.

Сегодня война – это расширенное противоборство, которое может осуществляться «без выстрелов». Если нет прямой военной агрессии, то это не означает, что геополитический противник отказался от своих целей и не ведет комбинированное или системное воздействие на избранную страну-жертву. Иными словами, в противоборстве изменились средства (инструмент) насилия на объект воздействия (страна-жертва). Мы привыкли к традиционным средствам ведения военного насилия – военная техника и вооружение, а сегодня средствами насилия, кроме понятных всем, выступают дипломатия, национальные ценности, информация, культура, искусство, наука, история, язык, образование, спорт, финансы, торговля и др. Правомерно говорить о войне идентичностей и цивилизационном насилии.

Разработка теории и активное использование в военно-политической практике гибридной и ментальной войн (управления противником) западными стратегами обусловлены комплексом факторов:

- экономическими (менее затратные в сравнении с непосредственным применением военной силы);

- международно-правовыми (сложность идентификации агрессора и невозможность привлечения его к ответственности);

- международно-политическими (уход непосредственного агрессора «в тень» с сохранением своего международного имиджа, но включением в насилие других «игроков» и реализацию прокси-войны);

- демографическими и внутривнутриполитическими (сохранение своих военнослужащих и населения страны, политической поддержки власти собственным обществом);

- духовно-интеллектуальными и военно-научными (выработка и апробация новых теоретических концепций в управлении, снижении потенциала противника, его подчинении и «обезглавливании»);

- психологическими и эгоистическими интересами (уверенность в невозможности противника поменять статусные роли в управлении (доминировании), а также в нерегулируемом использовании его природных и материальных ресурсов) и др.

Главный мотив разработчиков указанных технологий в том, что нужно сберечь себя и нанести максимальный урон противнику. Моральных ограничений не существует. Можно сказать, что это процветание одних за счет других.

Важно помнить, что война – это путь обмана (К. Клаузевиц). Война – это интеллектуальное противоборство, где одна противоположность стремится силой разума переиграть и овладеть другой. Поэтому важнейшее измерение современного военного насилия – это не грубая военная сила, а многоходовая высокоинтеллектуальная операция по демонтажу (хаотизации) противоположной стороны и ее подчинению своей воле с использованием широкого комплекса средств (невоенных и военных). Проблема решается однозначно: кто кого из двух сторон (противоположностей) передумает и переиграет, т. е. ликвидирует.

Важный вывод заключается в том, что кроме военной организации государства – основного средства военной политики, облик и оснащение которой отвечает вызовам и угрозам современного и перспективного насилия, к современной войне должна быть готова вся социальная система (государство). У любого миролюбивого государства важнейшей задачей является недопущение войны. Закономерно, что в республике 2023 год объявлен «Годом мира и созидания». Подчеркнем, что акцент в недопущении войны должен быть сделан на аналитику и интеллект, систему стратегического сдерживания агрессивных намерений потенциального противника. Данный тезис не отменяет наличия необходимой и достаточной военной силы для своевременного реагирования на возможную агрессию.

В современном военном насилии радикально возрастает роль науки и системы образования. Зако-

номерность проста: не можешь думать и адекватно действовать в сложной и противоречивой ситуации – значит не в состоянии обеспечить личную и социальную (национальную) безопасность.

Весомую методологическую базу для анализа военных конфликтов осуществил член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации А. А. Бартош, разработавший теорию гибридной войны [6; 7]. Он выделяет девять законов гибридной войны:

1. Использование продажных местных элит в качестве важного инструмента ослабления и развала государства.

2. Формирование «серой зоны» как театра гибридной войны.

3. Отрицание факта ведения гибридной войны.

4. Многосферное сдерживание.

5. Скрытность применения против противника комплекса гибридных угроз.

6. Всеобъемлющий охват территории государства при проведении операций гибридной войны.

7. Опережающее отражение при разработке стратегии гибридной войны.

8. Приоритетность операций по оказанию когнитивного разрушительного воздействия на сознание и психику людей.

9. Специфичность развития военной техносферы.

Эти законы отражают специфику феномена гибридной войны, «стратегия которой строится на способности противника синхронизировать по месту, времени, видам и интенсивности использование рукотворных гибридных угроз против уязвимостей государства-жертвы на всей его территории» [7, с. 11].

К основным принципам гибридной войны относятся:

1. Полнота учета факторов, обуславливающих возможности противника.

2. Обеспечение непрерывного взаимодействия.

3. Непрерывность взаимного информирования об обстановке.

4. Непрерывный контроль за выполнением задач на исполнительском уровне.

5. Устойчивое, гибкое и непрерывное управление операциями.

6. Единство взглядов на замысел, цель и задачи гибридной войны в целом и отдельных операций. Единоначалие.

7. Ведение непрерывной разведки противника и оперативное доведение ее результатов до заинтересованных сил и средств.

8. Упреждение противника в действиях.

9. Прогнозирование развития обстановки и гибкая адаптация собственных действий к ее изменению.

Знание и применение законов и принципов гибридной войны в военно-политической деятельности могут послужить важными «опорными точками» при разработке вопросов теории и практики «высшей

стратегии» [7, с. 14], призванной обеспечить мирное и стабильное развитие нашего государства.

Важным элементом прогнозирования в рамках функционирования военной сферы национальной безопасности является определение перспективных моделей военных конфликтов. Обратим внимание на модель военного конфликта будущего, разработанную военным ученым А. В. Смолковым, состоящую из восьми этапов [8]:

1) подготовка благоприятных условий для начала агрессии;

2) введение в заблуждение и дезинформация политических лидеров и населения государства, подвергающегося агрессии, использование информационных методов противоборства;

3) запугивание и подкуп высокопоставленных чиновников из администрации, армии, во многом определяющих политику государства, а также олигархической верхушки;

4) дестабилизация социальной обстановки в стране с активизацией подрывной (диверсионной) деятельности, формирование вооруженных структур из радикально настроенной части населения;

5) установление изоляции для ограничения помощи извне, обращение сформированной оппозиции к руководству противостоящего государства якобы для стабилизации обстановки, ввод контингента миротворческих сил, широкое применение частных военных компаний и сил специальных операций во взаимодействии с отрядами вооруженной оппозиции;

6) начало военных действий мобильными группировками экспедиционных сил с нанесением точечных ударов по ключевым (критически важным) объектам;

7) полномасштабное (или ограниченное) вторжение с применением вооруженных сил;

8) ликвидация оставшихся пунктов сопротивления, установления новой, лояльной к противостоящему государству власти.

Как отмечает разработчик, «применение “гибридных” методов противоборства ведет к размыванию границ этапов. Отсутствует четко обозначенный начальный этап. Некоторых последующих этапов может вообще не быть или они будут другими. Размыта граница, определяющая момент прекращения конфликта» [8, с. 83]. Разделяем вывод эксперта, что военный конфликт будущего «будет представлять собой комбинацию с использованием силы оружия или без него (в разноплановом сочетании одного с другим) с единственной целью – заставить противника подчиниться той стороне, которая считает себя сильной» [8, с. 86]. Таким образом, мы получаем еще один тип военного конфликта и новый термин «комбинационная война», а проблемное поле войны множится.

Закономерной тенденцией военного насилия является существенное усиление ментального противо-

борства. Авторская позиция заключается в том, что ментальная агрессия (война) – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социального образования является предметом замены или духовной оккупации. Другими словами, ментальная война – это форма неклассической войны, в которой главной «мишенью» является цивилизационная, духовно-мировоззренческая составляющая страны-жертвы. В межгосударственном противоборстве сегодня осуществляется и ментальный геноцид, о котором пишет ученый А. М. Ильницкий [9].

Ментальная война имеет собственную систему законов, отличных от классической войны [10]. Подчеркнем, что закон определяющей роли геополитических целей страны-агрессора и закон определяющей роли соотношения ментальных сил противостоящих сторон решающим образом влияют на главные показатели ментальной войны.

К принципам ведения ментальной войны по отношению к государству-жертве мы относим следующие:

- ведется постоянно;
- явно и тайно;
- информационно-агрессивно;
- системно (по всем компонентам ментального потенциала);
- индивидуально и массово;
- высокоинтеллектуально и технологично;
- воздействуя на разум и волю;
- нарушая способность и критичность мышления;
- разрушая интеллектуальные силы личности и социума;
- на внешнем контуре и внутри страны;
- разрушая и подменяя национальное историческое сознание;
- изменяя базовые духовно-нравственные ценности и традиции;
- до полной оккупации ментального поля (пространства) личности, общества и государства.

Только высокоинтеллектуальный, нравственно здоровый социум способен адекватно противостоять различным ментально-политическим вирусам и различным операциям ментальной войны, а значит, системно обеспечить в ментальном отношении национальную безопасность государства. В целях обеспечения ментальной безопасности страны важно комплексно обособить и сформировать необходимые силы и средства для успешного ведения ментальной войны. По нашему мнению, ментальная война ведется по следующим основным направлениям: цивилизационное, философско-методологическое, научное, геополитическое, политическое и идеологическое, экономическое, технологическое и техническое, образовательное, историческое, культурное.

Исходя из анализа современного межгосударственного противоборства и выделенных двух основных

направлений, просматривается закономерная тенденция широкого использования невоенных мер в военном противоборстве для достижения политических целей войны. Соответственно, противостоять таким средствам насилия можно лишь с помощью невоенных средств с более высокими количественно-качественными показателями, способными «переиграть» и заблокировать противоположную сторону. Это касается не только оружия, техники и технологий, но и качества человеческого потенциала. Четко просматривается «борьба» между двумя противоположностями: со стороны государства – инициатора агрессии (коалиции государств) и государства, избранного в качестве цели нападения. Проблема использования невоенных мер в интересах обеспечения военной безопасности становится приоритетной.

Разделяем подход ученых Л. А. Прудникова и А. В. Кузьменко, что «невоенные меры нейтрализации угроз военной безопасности – это совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени мероприятий и действий, проводимых органами государственной власти, общественными институтами и организациями для создания условий по недопущению их перерастания в военные конфликты» [11, с. 8].

Заслуживает внимания разработанная указанными авторами классификация невоенных мер и средств нейтрализации военных угроз государству. К невоенным относятся политические, дипломатические, экономические, информационные, социальные, правовые меры. Причем каждое направление мер содержит комплекс невоенных средств (ресурсов) [11, с. 9].

Анализируемое исследование свидетельствует о высокой приоритетности невоенных мер в политическом механизме предотвращения и нейтрализации военных угроз. Среди самых значимых мер нейтрализации угроз военной безопасности выделены информационные и политические, затем расположены дипломатические и экономические. За ними следуют социальные и правовые, имеющие примерно одинаковую эффективность для нейтрализации угроз военной безопасности [11, с. 11]. Существенным результатом проведенного исследования российскими военными аналитиками является системная модель политического механизма нейтрализации военных угроз невоенными мерами и методика его выбора.

Уяснение тенденций и законов ведения современной войны будет способствовать ее выявлению и рациональным управленческим решениям в военной сфере национальной безопасности на ранней стадии зарождения военного конфликта. В этой связи, кроме понимания смены парадигмы военного конфликта, важнейшее условие обеспечения военной безопасности страны – непрерывное прогнозирование возможностей его эскалации и развязывания как

элемент управленческой культуры [12]. Государственные и военные деятели России разработали современную «лестницу эскалации», которая не имеет законченного характера и включает 17 ступеней: от обострения обстановки до войны с массированным применением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения [12, с. 60–65]. Понимание «лестницы эскалации» политическими и военными управленцами позволяет не допустить развития ситуации, ведущей к потере управляемости конфликтом.

Для нейтрализации военного конфликта необходимы высококвалифицированные кадры, способные творчески решать нестандартные задачи в условиях неопределенности, соответствующая ресурсная база, а также управленческая воля. Значительный потенциал сдерживания зарождающейся агрессии содержится в самом социуме, понимающем и разделяющем идеологию обеспечения военной безопасности, т. е. сохранения существующих социальных связей от возможных военных угроз, а также адекватной реакции на формирующиеся риски и вызовы социальной стабильности. Таким образом, в дуэли противоположностей (угрозы – военная безопасность) должна быть выстроена четкая и адекватная система противодействия угрозам невоенными средствами, подкрепленная достаточной военной силой.

Безусловно, военная сфера национальной безопасности как социальное образование подвержена воздействию деструктивных проявлений военно-силового характера. Следовательно, в интересах недопущения дестабилизации и потери управляемости все ее компоненты должны иметь разработанные алгоритмы (модели) поведения в случае проявления тех или иных силовых (невоенных и военных) действий. Причем они могут быть разработаны для различных вариантов: оптимистичный, реалистичный и пессимистичный. Такая аналитическая работа должна быть выполнена в условиях мирного и стабильного развития общества. Полученные результаты научного прогнозирования, содержащие предполагаемые сценарии развития военно-политической ситуации и действия противоборствующих сторон, стоит апробировать в ходе различного рода тренировок (учений) с субъектами управления данной подсистемы. Это не только позволит выявить «тонкие» места в управлении подчиненными силами и средствами, но и подтвердит наличие (отсутствие) необходимых ресурсов для минимизации и блокирования развития военной опасности в военную угрозу.

Понимая тенденции развития современных международных отношений и их военно-политической составляющей, убеждены, что в настоящее время военная сфера национальной безопасности выступает приоритетным направлением функционирования общей системы национальной безопасности. Ее состояние должно обеспечить гарантированную защиту

интересов личности, общества, государства от военно-силовой агрессии в любых условиях военно-политической обстановки. Раз современная война касается всей нации и является тотальной и многосферной, то с точки зрения диалектики такой же должна быть и система ее стратегического сдерживания и ведения в случае крайней необходимости.

Собственный военно-исторический опыт, геополитическая позиция страны напоминают нам о всеобщем (народном) характере войны. Поэтому, кроме приоритетного совершенствования военной организации государства как основного инструмента обеспечения военной безопасности, важно осуществлять информационную (разъяснительную) работу во всех сегментах белорусского общества, совершенствовать систему территориальной обороны и народного ополчения. Речь идет не о милитаризации общественного сознания, а о понимании населением республики существующих проблем в сфере обеспечения национальной безопасности в военном отношении.

Исходя из сути проводимой политики, важнейшим приоритетом государственного управления является установка на создание условий, исключающих возможность возникновения военного конфликта с участием Республики Беларусь. Эти положения зафиксированы в Военной доктрине Республики Беларусь как философии военной безопасности.

Известно, что система обеспечения военной безопасности базируется на нейтрализации внутренних и внешних источников военных угроз. Несмотря на их четкое закрепление в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, важно непрерывно осуществлять их анализ как на внутреннем контуре, так и за пределами страны. Мир и международные отношения находятся в активной динамике, отражающейся на военно-политической и стратегической обстановке, что обязывает нас постоянно вскрывать противоречия нашим национальным интересам в военной сфере.

Проблемы обеспечения безопасности Республики Беларусь в военном отношении решаются системно. Еще раз обратим внимание на то, что военное насилие радикально трансформировалось, наметилась закономерная тенденция невоенного или нетрадиционного насилия с акцентом на волю, сознание, мировоззрение и культуру человека. Это насилие способно решать

геополитические задачи. Поэтому в интересах эффективного государственного строительства требуется активное включение в исследовательский процесс не только представителей военной науки, но и философской, социологической, культурологической, политической, экономической, педагогической, психологической и др. Пока еще не сформировано цельное учение о современной войне в контексте геополитической борьбы. Решение данной задачи – залог военной безопасности республики в динамично меняющемся мире.

Список использованных источников

1. Ксенофонтов, В. А. Военная политика государства: методологические основы / В. А. Ксенофонтов // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2022. – № 2. – С. 20–29.
2. Снесарев, А. Е. Философия войны / А. Е. Снесарев. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 288 с.
3. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М.: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 1: Основы теории войны. – 832 с.
4. Клаузевиц, К. О войне: пер. с нем. / К. Клаузевиц. – М.: ИК «Логос: Междунар. академ. издат. компания «Наука», 1997 – 448 с.
5. Военная доктрина Союзного государства [Электронный ресурс]: утв. постановлением Высш. Гос. Совета Союз. государства 04.11.2021 г., № 5. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/>. – Дата доступа: 11.02.2023.
6. Бартош, А. А. Вопросы теории гибридной войны / А. А. Бартош – М.: Горячая линия – Телеком, 2022. – 324 с.
7. Бартош, А. А. Законы и принципы гибридной войны / А. А. Бартош // Военная мысль. – 2022. – № 10. – С. 6–14.
8. Смоловый, А. В. Военные конфликты будущего / А. В. Смоловый // Вестник АБН. – 2022. – № 3(80). – С. 80–87.
9. Ильницкий, А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
10. Ксенофонтов, В. А. Ментальная война и национальная безопасность / В. А. Ксенофонтов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 351–364.
11. Прудников, Л. А. Применение невоенных мер в интересах обеспечения военной безопасности России / Л. А. Прудников, А. В. Кузьменко // Военная мысль. – 2023. – № 1. – С. 6–18.
12. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А. А. Кокошин [и др.]. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 88 с.

Аннотация

В статье рассматриваются основные характеристики военного конфликта как формы социального бытия. Анализируются актуальные тенденции гибридного и ментального насилия, влияющие на военную сферу национальной безопасности. Делается вывод о приоритетности обеспечения военной безопасности республики в современных условиях.

Abstract

The article deals with the main characteristics of the military conflict as a form of social being. Current trends of hybrid and mental violence influencing military sphere of national security are analyzed. A conclusion is drawn as to the priority of ensuring military security of the republic under modern conditions.